

КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО В КОНТЕКСТЕ АКТУАЛЬНЫХ ПОЗИЦИЙ СОВРЕМЕННОСТИ

Опанасюк А.П.

*кандидат искусствоведения, доцент, докторант
Национальной академии руководящих кадров культуры и искусств
(Украина, г. Киев)*

В истории культуры, как и в развитии тех или иных отраслей наук, в определенное время возникают предпосылки не только для анализа предыдущего становления, но главным образом для построения базиса для необходимого нового развития. Примером указанному есть знаменитый трактат Фрэнсиса Бэкона (1564–1626) “Великое восстановление наук” (“Instauratio Magna Scientiarum”), опубликованного в 1620 году. В начале этой работы автор заявляет следующее: “О том, что состояние наук неблагоприятно и не показывает их рост, и о том, что необходимо открыть человеческому разуму новую дорогу, совершенно отличную от той, которая была известна нашим предшественникам, и дать ему новые средства помощи, чтобы дух мог пользоваться своими правами на природу... Поэтому и у наук есть как бы свои роковые пограничные столбы...” [2, с. 63]. Бэкон проводит обзор и классификацию всего человеческого знания за последние века и усматривает будущее в научных воззрениях, основанных на познании законов природы, опыте человека, эмпиризме и аналитическом методе. Таковы были требования философии Нового времени, провозвестником которого и выступил барон Веруламский.

Современное состояние наук и искусства находится еще в более сложных условиях, когда надо проводить аналогичную работу и преодолевать ситуацию кризиса сознания и культуры [4, 11]. Если для Ф. Бэкона актуальным было развитие рационального метода в науке, практики анализа и экспериментов, то наше время предполагает иное основание для будущего развития. Технический прогресс, отсюда информационно-технологическое становление, и далее будут определять значительную часть человеческой деятельности, но главной интенцией должно стать духовное развитие. Именно при таких условиях обранный человечеством информационно-технологический путь сохранит свои возможности и не приведет его к полной деградации и гибели. Более того, современные исследования феноменологических возможностей человека ставят под сомнение преимущество первого, поскольку благодаря развитым высшим сидхи (внутренним силам) человек способен на фантастические действия.

В качестве примера укажем на характеристику возможностей человека известным русским прозорливцем Даниилом Андреевым (1906–1959): “Ведущей областью культуры в наш век есть наука. Научный метод познания претендует на гегемонию... Разрабатывая веками практические приемы воздействия воли на человеческий организм и на внешнюю материю и подводя человека к этому лишь после длительной нравственной подготовки и многостороннего искусства, они поднимали и поднимают сотни, может быть, даже тысячи людей до того, что в просторечии именуется чудотворением...”

Этот путь приводит к таким легендарным якобы явлениям, как телесное прохождение сквозь предметы трехмерного мира, движение по воздуху, хождение по воде, мгновенное преодоление огромных расстояний...” [1, с. 28–29]. Дополнением к этому могут быть разные работы, в которых дана обстоятельная характеристика феноменологических возможностей человека.

Если сказанное спроецировать на искусство, само собой становится понятным иное видение, понимание и отношение человека с развитыми духовными и феноменологическими возможностями к известным произведениям европейского искусства, нежели обыкновенного таланта или гения. А именно такие личности все более рождаются в наше время, и в будущем предполагается их доминирование в общественной среде (новая раса вытеснит старую).

Опять же, в контексте, например, музыкального искусства показательным есть манера исполнения, которую предполагали и какой владели музыканты давних культур. Хазрат Инайян Хан (1882–1927), суфий и представитель этой традиции, говорит, что исполнение музыки должно иметь целью донести до каждого слушателя и прояснить ему понимание его души и тех проблем, которые лежат между его земным сознанием и высшим благом: “Для индуса музыка – не забава и не развлечение. Она нечто больше. Она отвечает глубочайшим потребностям души... певец... настроил себя на всех присутствующих... он почувствовал нужду всех душ в аудитории, потребности каждой души, то, чего они хотят в этот момент... Он становится инструментом всей космической системы...” [10, с. 128–130]. Тот же принцип практиковал и современный индийский исполнитель Рави Шанкар (1920–2012).

На основании этих примеров мы видим полярности в разумении и предназначении (музыкального) искусства, основанного на древних традициях, и нашего времени. Эти же принципы определяли все виды искусства в давних культурах. И, может быть, мы уже понимаем суть предостережений Платона (427–347 гг. до н. э.) об опасности изысканности, усложненности, часто пустой изощренности в искусстве, что по мнению философа есть залогом к перспективе деградации (после упразднения прикладного и духовного принципов в искусстве Античная культура действительно покатила к своему упадку и забвению).

Но одно дело фиксировать указанную ситуацию и строить разные проекты, другое дело сформировать методологического плана позиции для необходимых исследований. Ведь если критически посмотреть на большинство работ по современному искусству и культуре, в них собственно фиксируются события современности и констатируются те или иные положительные и негативные ситуации. При этом главным образом говорится об исчерпанности средств выразительности искусства и, собственно говоря, о кризисе культуры. Вместе с тем тезисы и заявления о “конце истории”, о “конце искусства” не предполагают четких определений относительно того, на основе чего происходит этот кризис и как должно

развиваться будущее культуры.

В современном искусстве “нормативные” позиции кризиса сознания и культуры выражают, например, такие работы: “Конец времени композиторов” В. Мартынова и “Конец стиля” Б. Парамонова [5, 8]. А также самые разные работы и проекты относительно постмодернизма и всевозможных констатаций нигилизма, агностицизма и кардинального плюрализма, что выстраивает аналогичную ситуацию к указанным темам последних двух книг.

В наших работах (укажем лишь на: [6, 7]) эта ситуация в культуре рассматривается в контексте *концепции интенционализма*, она выражает и объясняет закономерности процессуального бытия культуры – Европейской и мировой, в том числе и моменты кризиса в исторической и метаисторической перспективах. Как правило, процессуальное бытие культуры предполагает четыре периода становления. В Европейской: символический (V–XVI вв.), классический (XVII–XVIII вв.), романтический (XIX в.), интенциональный (XX – ? вв.). Главным образом в заключительный, частично романтический периоды становление культуры переходит от динамического развития к экстенсивному, в результате чего культура сосредотачивается на анализе и исследовании своего же по большей части свершившегося бытия с целью определения оснований для будущего развития. Именно эта позиция объясняет всевозможные интро-ретроспекции, компиляции и деструкции в культурном пространстве современности (исторический и метаисторический срезы).

Вместе с тем, есть основания предполагать перспективу иного “конца истории” и нового начала. Есть основания констатировать конец практики создания художественных произведений в традиционном для Европейской культуры плане, когда на первое место ставятся авторская позиция, выражение субъективных и по большей части не совсем осознанных художником рефлексий.

Поскольку современная культура подошла к тому этапу, когда все средства выражения в искусстве в контексте европейской художественной практики исчерпаны, когда все жанровые и стилевые формы пройдены и определены, следовательно предполагать новые основания для будущего развития культуры.

Отсюда определяются задачи для современного искусства и в общем для современной культуры. Главным образом их определяют два положения: 1) анализ и исследование пройденного Европейской культурой пути и обобщение разного рода достижений; 2) построение парадигмы нового искусства и новой культуры, которая предполагается, ожидается и лучи которой уже можно ощущать в нашем культурном пространстве. При этом базисом должны стать не столько духовные основания, что принимается само собой, но четкое разумение глубинных основ и возможностей искусства и развитие в культуре соответственных интенций.

Указанные тенденции, помимо разных философских и иного рода аналитик, фундирует такая наука, как арт-терапия [3, 9, 11]; ведь она не

только исходит с возможностей рекомендаций использования творений искусства в разного рода терапевтической практике, но “сканирует” эти сочинения на предмет их воздействия на человека, исследует их, выстраивает базис для онтологии и использования уже известных художественных образов и создание новых.

Возвращаясь к вопросу о духовности искусства, укажем на расхожие мнения и определим несостоятельность некоторых заявлений или тез. В качестве примера возьмем два тезиса: “*краса спасет мир*” и “*благоговение перед жизнью*”. О первом Федор Достоевский (1821–1881) говорит в романах “Идиот” и “Братья Карамазовы”; второй принадлежит Альберту Швейцеру (1875–1965) [12, с. 66, 314, 388]. Знаковость нашего времени и будущей культуры состоит в том, что недостаточно декларировать тезисы и любоваться красотой природы.

Внимание художников, деятелей искусств, философов и общественности главным образом должно сосредотачиваться на познании феноменологического уровня бытия явлений. Уже недостаточно говорить, например, о форме, стиле или драматургии художественного произведения, опуская при этом их феноменологический и энергетический уровни, метаисторический и поликультурный контексты. Современная наука оперирует намного большими фактами, нежели в предыдущие столетия, когда эта же феноменология (бытия) определялась в пределах ментальных изысканий. Как никогда ранее, современная наука может оперировать наследием эзотерической философии, содержание и правоту которой она все более подтверждает, что указывает на неминуемость и необходимость формирования нового – расширенного толкования и понимания термина “феноменологическое бытие”. Причем это касается не только физических и художественных явлений, но и таких фундаментальных понятий и явлений, какими есть культура и искусство в целом.

Подводя итог краткого определения актуальных задач современного искусства и культуры, укажем на следующее. Перед современной культурой стоит задание осознанного овладения разного рода художественной практикой, моделирования подобных состояний и образов, развитие в человеке возможности ощущать, четко осознавать такие явления и состояния, создавать их с определенной целью, заданиями и интенциями.

И дополним наш вывод такими словами: “Культура общечеловеческая еще только возникает; до сих пор мы видели, в качестве совершенно оформившихся феноменов, лишь культуры отдельных сверхнародов – то есть таких групп наций, которые объединены между собой именно совместно создаваемой, своеобразною культурой. Но каждая из таких культур отнюдь не исчерпывается тою своею сферой, которая пребывает, развиваясь, в нашем трехмерном пространстве... Возникает представление о миллионных содружествах подобных душ, о небесных странах и градах над каждым из сверхнародов мира, и об Аримое – ныне возникающей небесной стране культуры общечеловеческой” [1, с. 40–41].

1. *Андреев, Д. Л.* Роза Мира / Д. Л. Андреев. – М. : Мир Урании, 2006. – 608 с.
2. *Бэкон, Ф.* Сочинения. В 2-х томах. Т. 1 / Ф. Бэкон, [состав., общая ред. и вст. ст. А.Л. Субботина]. – М. : Мысль, 1971. – 590 с. – (АН СССР. Институт философии. Философское наследие).
3. *Голдмен Д.* Целительные звуки / [перев. с англ. Е. Александровой]. – М. : Издательский дом София, 2003. – 224 с.
4. *Кризис сознания* : сборник работ по “философии кризиса”. – М. : Алгоритм, 2009. – 272 с. – (Философский бестселлер).
5. *Мартынов, В.* Конец времени композиторов / В. Мартынов / [послел. Т. Чередниченко]. – М. : Русский путь, 2002. – 296 с.
6. *Опанасюк, О.П.* Кінець стилю чи інтенціоналізм? (До питання характеристики інтенціонального стилю / О.П. Опанасюк // Наукові записки Тернопільського національного педагогічного університету ім. В. Гнатюка. Серія: Мистецтвознавство / [за ред. О.С. Смоляка]. – Тернопіль : Вид-во ТНПУ ім. В. Гнатюка, 2012 – № 1. – С. 109-117.
7. *Опанасюк, О.П.* Структуральне буття культур: історичний, метаісторичний та езотеричний аспекти / О.П. Опанасюк // Ставропігійські філософські студії. Збірник наукових праць з філософії, психології, мистецтвознавства, культурології, педагогіки та філософії освіти. Вип. 2. – Львів : Ставропігійон, 2008. – С. 46–65.
8. *Парамонов, Б.М.* Конец стиля / Б.М. Парамонов. – М. : Аграф, 1999. – 464 с.
9. *Скотт Сирил.* Оккультное воздействие музыки / [перев. с англ. Н.А. Шнайдер]. – М. : РИПОЛ классик, 2005. – 288 с. – (В поисках истины).
10. *Хан, Х.И.* Мистицизм звука : сборник / Х.И. Хан. – М. : Сфера, 1997. – 336 с. – (Серия “Суфийское послание планеты”).
11. *Хорган, Дж.* Конец науки: Взгляд на ограниченность знания на закате Века Науки / Дж. Хорган, [пер. с англ. М. Жуковой]. – СПб. : Амфора, 2001. – 479 с.
12. *Швейцер, А.* Письма из Ламбарене / А. Швейцер, [перев. и примеч. А.М. Шадрина; статья Д.А. Ольдерроге и В.А. Петрицкого; ответ. ред. Д.А. Ольдерроге]. – Л. : Издательство Наука, 1978. – 392 с. – (Литературные памятники).
13. *Юсфин, А.Г.* Музыка – сила жизни / А.Г. Юсфин. – СПб. : ООО «Аюрведа Плюс», 2006. – 260 с.